

который — увы! — даже исконное достояние церкви раз отобрал, не удовлетворился этим, и собирался описывать и отбирать вторично. . .¹

Мы вправе считать «Речи посла цесарева» как бы идущими из уст самого Геннадия, настолько созвучна оказалась запись рассказа его наиболее задушевным скорбям. Но в то же время «Речи» — замечательный памятник католического влияния в Новгороде, на архиепископском дворе. Так незаметно прокрадывалась сюда пропаганда, рекомендуя свои услуги и своих агентов по вопросу, казалось бы, нейтральному, далекому от жгучих вероисповедных различий между Римом и Русью: о преследовании врагов христианства, жидовствующих. Никакого вывода из живописуемой ими картины истребления еретиков и союза светского государя с папою «Речи», правда, не делают. Но это не мешает косвенно им служить идее унии, — если перевести мотив о конкордате на язык римо-русских отношений.

¹ В «Речах» усматривается несколько аналогий между испанским и русским «жидовством», объясняющих обостренный интерес Геннадия к институту инквизиции, о котором он услышал от Г. Делятора, но в то же время требующих проверки своей объективности. Возникновение и строй испанской инквизиции кон. XV в., в меру ее изображения «Речами», вкратце сводятся к следующему (материал для сличений взят по С. Г. Лозинскому, История инквизиции в Испании, СПб., 1914 — переработка R. Lea. A History of the Inquisition of Spain): А. Установлено, что инквизиция вспыхнула на горячей почве борьбы с иудействующими выкрестами, т. наз. марранами, *шагáнос*; сущность ереси составляли их рационализм и безверие, а возбуждение против них испанского общества питалось экономической и кастовой враждой. Характер ереси, как она обрисовывается по индексу примет еретика, изданному в качестве практического руководства при розыске, — выдержанный иудейский; этою ее характеристикой, не исчерпывая конечно генезиса движения, индекс предопределил инквизицию и в ближайшие за собою годы, как борьбу с иудейством, тающимся среди «ложных христиан» (терминология папских булл); лишь с завоеванием Гренады (1491—1492 гг.) видным объектом гонений сделались также мусульмане-мавры. Но это время, очевидно, выходит за предел возможного отражения в «Речах»; аналогия же с «ложными христианами», среди которых таится юдаизм, была Геннадием воспринята тем охотнее, что он сам обвинял жидовствующих в «ложном христианстве»: «. . . а они ся зовут христиане, да человек разумному — и они ся не явятъ». Пам. др.-русс. канонич. права, I², 784. — Б. Ересь захватила высший слой общества. Среди *шагáнос* насчитывалось немало богатых купцов, промышленников, землевладельцев. Входя в дворянское сословие и пользуясь всеми его привилегиями, *шагáнос* достигали высших государственных должностей, а те из них, кто предпочел церковную карьеру, иногда занимали епископские посты. «Речи», действительно, не только говорят о многом множестве еретиков, но и указывают на их социальный состав, именно на «великих людей — бояр, земледержцев», а с другой стороны, на «бискупов, архимандритов и попов». Опять очевидна сила тенденциозной аналогии: русское движение жидовствующих появилось среди духовенства, а поддерживалось влиятельными людьми при дворе Ивана III. — В. Вместе с первыми действиями инквизиции началось массовое бегство *шагáнос* из Испании. «Речи» точны и в данном случае, отмечая факты бегства и конфискацию имущества бежавших: «а иные лихие ко[их] не поспели поимати, и те ступили из земли нон без вести, а животы их и имениа на короля поимали». В меньшем¹